

Оригинальная статья / Original article

УДК 94(47).084.3

<http://dx.doi.org/10.21285/2415-8739-2017-4-154-175>

ПРАВДА И «КРИВДА» О КРАСНЫХ ОТРЯДАХ ИЗ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ПЕРИОДА «ПЕРВОЙ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ» В ВОСТОЧНОЙ СИБИРИ (1917–1918 гг.)

© Г.И. Хипхенов

Российская Федерация, 664035, г. Иркутск, ул. Сурнова, 30/6, кв. 64.

Аннотация. В статье на основе большого объема не публиковавшихся ранее источников рассматриваются особенности организации советских вооруженных формирований Иркутской губернии в начальный период Гражданской войны (конец 1917 – лето 1918 г.). Дается характеристика лидерам большевиков и их союзников из левых социалистических партий, командирам советских отрядов. Впервые приводятся биографические данные о наиболее одиозных фигурах, таких как М.П. Янков и Е.С. Пережогин. Дана оценка места и роли в установлении Советской власти деструктивных социальных групп: анархистов, уголовных и военнопленных. Собраны сведения об имевших место убийствах, самосудах и фактах террора сторонниками советской власти по отношению к политическим противникам и случайным лицам.

Автор воздерживается от приверженности «красной» или «белой» стороне, считает важным уделять внимание личностям и по возможности детализировать описываемые события, что может способствовать повышению интереса к Истории и краеведению.

Ключевые слова: Гражданская война, Иркутская губерния, Центросибирь, вооруженные формирования, Красная гвардия, Красная армия, командиры, комиссары, декабрьские бои в Иркутске, большевики, анархисты, военнопленные, интернационалисты, уголовные.

Формат цитирования: Хипхенов Г.И. Правда и «кривда» о красных отрядах. Из военно-политической истории периода «первой Советской власти» в Восточной Сибири (1917–1918 гг.) // Известия Лаборатории древних технологий. 2017. Т. 13. № 4. С. 154–175. DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-154-175

TRUE AND “FALSEHOOD” ABOUT THE RED DETACHMENTS FROM THE MILITARY-POLITICAL HISTORY OF THE PERIOD OF THE “FIRST SOVIET POWER” IN EASTERN SIBERIA (1917–1918)

© G.I. Hipkhenov

64, 30/6 Surnova Str., Irkutsk 664035, Russian Federation

Abstract. In the article, on the basis of a large amount of unpublished sources, the features of the organization of Soviet armed units of the Irkutsk province in the initial period of the Civil War (late 1917 – summer 1918) are considered. Characteristics are given to the leaders of the Bolsheviks and their allies from the left socialist parties, commanders of the Soviet detachments. For the first time, biographical data of the most odious figures, such as M.P. Yankov and E.S. Perezhogin, are given. Author gets an assessment of the place and role of destructive social groups such as anarchists, criminal and prisoners of war in the establishment of Soviet power. Information was collected about the murders, lynchings and facts of terror committed by supporters of the Soviet government in relation to political opponents and casual persons.

The author refrains from adherence to the “red” or “white” side, considers the importance to pay attention to personalities and, if possible, to detail the described events, which can contribute to an increase of interest in History and local history.

Keywords: Civil war, Irkutsk province, Centrosibir, armed formations, Red Guard, Red Army, commanders, commissars, December fights in Irkutsk, Bolsheviks, Anarchists, prisoners of war, internationalists, criminals

For citation: Hipkhenov G.I. True and “Falsehood” about the Red Detachments. From the Military-Political History of the Period of the “First Soviet Power” in Eastern Siberia (1917–1918). Journal of Ancient Technology Laboratory. 2017. Vol. 13. No. 4. Pp. 154–175. (In Russian) DOI: 10.21285/2415-8739-2017-4-154-175

Несколько лет назад в журнале «Родина» была опубликована статья П.А. Новикова и

А.М. Романова «Заготовка жёрнова на собственную шею» (Новиков, Романов 2011. С. 98–102). Авторы,

недвусмысленно выступая как приверженцы Белой идеи и Белого движения, в весьма тенденциозной форме освещают советское военное строительство в начальный период Гражданской войны в Восточной Сибири, дают характеристику красным командирам и принципам военной организации. Наряду с изложением действительно имевших место фактов, в целом они дают крайне негативные оценки и, на мой взгляд, излишне демонизируют образ первых советских вооруженных отрядов и их руководителей, краскомов и комиссаров.

Насколько мне известно, эта работа не получила гневных отповедей от исследователей и публицистов из «красного стана». Но представляется, что произошло это лишь в силу отсутствия среди таковых лиц, достаточно владеющих материалом, дабы аргументировано полемизировать с авторами статьи. Поскольку я некоторое время достаточно глубоко занимаюсь темой военно-политической истории Иркутской губернии в начальный период Гражданской войны, то счел своим долгом написать небольшую работу в качестве альтернативного взгляда на данный вопрос. Не будучи сторонником коммунистических идей, я постарался изложить объективный взгляд на события и личности, ставя во главу угла принципы истины, патриотизма и любви к истории. Лично для меня все участники событий с обеих сторон, красной и белой – это солдаты, наши соотечественники, деды и прадеды, оказавшиеся по разную сторону. У тех и других были свои герои и негодяи. Они сражались, жили и умирали за свои идеи и за своих близких. И наш общий долг не предать их забвению.

Данная статья задумывалась как рецензия на публикацию П.А. Новикова и А.М. Романова, но в итоге обрела форму самостоятельного очерка. Наряду с критикой я приведу ряд материалов, возможно, даже усугубляющих негативную оценку отдельных советских формирований и их командиров. Но эти факты имели место, и о них нужно говорить, в тоже время, не возводя их в аксиому, не забывая, что данные примеры были не правилом, а скорее исключением.

Я предвижу, что могу стать предметом критики из того же «красного» стана, который вроде бы взялся защищать. «Ну вот, опять выкопали всю

грязь и мерзость! Почему вы не пишете о подвиге и добре, а снова очерняете память героев?!» Наверное, потому, что те, кто 70 лет писал монументальную историю красных командиров и комиссаров, настолько их выбелили и героизировали, что они совершенно потеряли живую человеческую натуру и стали восприниматься как мифические создания. И когда эти мифы рухнули, создался эффект разорвавшейся бомбы. Ангелы вдруг оказались демонами. Все вдруг осознали, что жили в царстве лжи, и бросились неистово низвергать вчерашних идиотов. Поэтому нам нужна честная, объективная история. И было в ней все, и нет в этом ничего страшного, ибо все наши герои – всего лишь люди, со своими слабостями и недостатками.

Кроме полемики я постарался, выражаясь литературным языком, расширить событийный ряд, ввести новых героев и детализировать уже известные эпизоды. В рамках же традиционной истории я буду счастлив случаем ввести в научный оборот новые источники и привлечь внимание читателей к прошлому родного края. Ведь история в тысячу раз богаче и интереснее любого выдуманного фантастического мира, нужно только ее познать в подробностях и мелочах.

...Ибо дьявол, как известно, кроется в деталях...

Первые комиссары и краскомы

Корни последующих проблем советского военного строительства в Восточной Сибири П.А. Новиков и А.М. Романов видят в ошибочном выборе командного состава, таких лиц как Алексей Зотов, Нестор Каландаришвили, Амзор Караев, Феодосий Лавров, Нина Лебедева, Ефрем Пережогин¹, Дмитрий Третьяков. Авторы считают, что «их поступки далеко превосходили последующие антидисциплинарные действия белых атаманов, позволяя усомниться в распространенном тезисе о большей ор-

¹ Настоящее имя **Ефим** Спиридонович Пережогин. Статистический листок на арестанта Иркутской губернской тюрьмы... (ГАИО. Р-157. Оп. 2. 1917 г. литера «П»). His real name is Efim Spiridonovich Perezhogin. Statistical leaflet on the prisoner of the Irkutsk provincial prison ... (GAIO, R-157, Op., 2. 1917, letter "P").

ганизованности и дисциплинированности красных» (Новиков, 2011. С. 98).

Последний тезис скорее можно отнести к более позднему периоду гражданской войны, а в 1918 г. организация и дисциплина советских отрядов не выдерживает никакой критики и не претендует на более высокий уровень. Касательно же белых атаманов, если учитывать широко проводившиеся ими казни и репрессии, то красные краскомы и комиссары периода 1918 г. перед ними – сущие младенцы. Самосуды и казни по приговору ревтрибунала не носили массового характера, поэтому цифры пострадавших от красного террора в Восточной Сибири в 1918 г. (ниже коснемся их отдельно) несопоставимы с жертвами будущего большого террора, как белого, так и красного. Впоследствии сами большевики, вспоминая свои первые шаги, часто сетовали на свою беспечность, наивность и мягкотелость, стоившие им позже стольких жертв (Постышев, 1957. С. 11. Чужак-Насимович, 1927. С. 69). Действительно, поначалу им нередко приходилось учиться на своих ошибках. Секретные телеграммы П. Кларка и Г. Цветкова о необходимости отправки вооруженного отряда, переданные в конце декабря 1917 г. из Читы, оказались напечатаны в газетах и вызвали возмущение общественности и обвинения в развязывании Гражданской войны. В дальнейшем подобные послания в прессу уже не попадали. В январе 1918 г. в «Свободной Сибири» было напечатано воззвание есаула Г. Семенова с призывом к борьбе с Советской властью. Когда член следственной комиссии по делам печати И. Посталовский приходит в редакцию и смущенно просит сообщить имена членов редакционного коллектива и «кончить дело по-хорошему», то его фактически поднимают на смех. И только после этого следует закрытие газеты (Новая Сибирь. 1918. № 1). Также и вердикты Революционного трибунала до июньского мятежа носят довольно мягкий характер. Насколько удалось проследить автору, не было вынесено ни одного смертного приговора по политическим мотивам, зачастую все ограничивалось исправительными работами на небольшой срок (до 5 месяцев) или даже просто общественным порицанием. Большевики этого периода вовсе не были зверями,

алчущими крови. Напротив, некоторые их действия неуклюжи и порой вызывают улыбку. Впрочем, они быстро учились, и по мере возрастания сопротивления новой власти происходило дальнейшее ужесточение средств борьбы.

Октябрьскую революцию, или переворот, как ее называли и сами ее творцы, совершили большевики и их союзники из левых социалистических партий, совершили руками гарнизонных солдат. Не было исключением и Иркутск с его огромным гарнизоном из 4-х запасных полков, 2-х дружин пешего ополчения и 3-х – батарейного артиллерийского дивизиона. И когда в декабре 1917 г. Военно-революционный комитет (ВРК) решил покончить с двоевластием и установить власть Советов на деле, солдатами и немногочисленными красногвардейцами, которых поведут в бой с юнкерами и офицерами, должны были руководить люди с военным и командным опытом. Таковыми стали младшие офицеры, прапорщики, поручики, реже в чине капитана.

Одним из первых на сторону ВРК перешел поручик Валериан Дмитриевский (37 лет). За революционную деятельность в 1905–06 гг. он был приговорен к ссылке в Якутию, в 1914 г. мобилизован на фронт, с 18 октября 1917 г. – командир батальона 718-й пешей Астраханской дружины, а во время декабрьских боев – начальник Штаба ВРК. По воспоминаниям Б. Шумяцкого, «...он не был большевиком, наоборот, в прошлом был эсером, приговоренным царизмом за революционную работу к смертной казни, замененной ему каторгой. Он считал себя сочувствующим советской власти и сам предложил свои услуги. Это был еще молодой человек, лет тридцати, энергичный, но достаточно уже потрепанный каторгой и необычайно нервный, что позже не раз давало себя чувствовать во время подавления юнкерско-офицерского мятежа. Тем не менее Дмитриевский был необычайно сильным человеком, прошедшим героически в невыразимо трудных условиях руководство борьбой...» (Шумяцкий, 1989. С. 326). В конце декабря 1917 г. – январе 1918 г. Дмитриевский – начальник охраны г. Иркутска. В иркутской прессе этого периода напечатан материал, обвиняющий Дмитриевского в бытность в ссылке в подаче прошения о помилова-

Рис. 1. Поручик В.И. Дмитриевский в действующей армии, предположительно первая половина 1917 г. Публикуется впервые. ГАНИИО. Ф393.5.459
Fig. 1. Lieutenant V.I. Dmitrievskiy in the active army, presumably the first half of 1917. Published for the first time. GANIIO. F393.5.459

нии, и даже просьбе о приеме на службу в полицию, т. е. в ренегатстве (Свободная Сибирь. 1918. № 2). Как бы то ни было, в январе 1918 г. комиссаром охраны города Иркутска вместо Дмитриевского был назначен А.Зотов. В дальнейшем активной роли в советском строительстве В. Дмитриевский не играл. 23 мая 1918 г. Охранный отряд Центросибири пытался выбрать его своим начальником, но поскольку к этому времени выборность комсостава была отменена, Сибвоенкомат назначил на эту должность другого человека, отметив, что «в Военном комиссариате имеются сведения и отзывы, характеризующие гражданина Дмитриевского с отрицательной стороны» (Вечерние известия. 1918. № 66). После захвата Иркутска 11 июля 1918 г. войсками Сибирского временного правительства и чехословаками, Дмитриевский остался в городе, видимо, и не скрывался, был арестован и казнен

5 августа 1918 г. по приговору военно-полевого суда (Сибирь. 1918. № 20).

Советскими отрядами во время боев в Иркутске командовали младшие офицеры. Так начальником Иркутского гарнизона был подпоручик Иркутского артиллерийского дивизиона большевик из селенгинских казаков Борис Мельников (21 год). Прапорщик Д. Тананайко (20 лет) командовал солдатами 11-го запасного полка. По воле случая вознеслись на вершину истории прапорщики из Екатеринослава Сергей Блюменфельд (22 года) и Алексей Зотов (22 года), друзья детства, недавно прибывшие в Сибирь. Никому до этого неизвестные, они присоединились по дороге к роте 9-го запасного полка, прикомандированной на защиту Белого дома, и, оказавшись в осаде, стали героями его обороны. В ходе боев прославился приехавший из Красноярска левый эсер, по происхождению из молдавских дворян, прапорщик Сергей Лазо (23 года). Следует отметить, что Лазо прибыл в Иркутск не во главе отряда (как это укоренилось в историо-

Рис. 2. Прапорщик С.С. Блюменфельд. 1916 г. Студент Харьковского университета ГАНИИО. Фотофонд
Fig. 2. Ensign S.S. Blumenfeld. 1916. Student of Kharkov University. GANIIO. PhotoFund

графии), а в одиночку и по работе: «...5 декабря я уехал в Ачинск и Канск – уездные города Енисейской губернии, а оттуда по делам Исполнительного комитета в Иркутск. Я приехал туда 10 декабря в разгар боя революционных солдат с юнкерами...» (Лазо, 1959. С. 134). Со сводным отрядом из Канска прибыли прапорщик Роберт Эйдеман (22 года) и капитан Тор Стремберг. Кто из них был романтиком или фанатиком еще предстоит установить, но все они были отмечены советским руководством и занимали впоследствии ряд высоких постов.

Советская власть в Иркутске установилась в конце декабря 1917 года. Установилась, несмотря на то, что офицеры и юнкера фактически выиграли восьмидневные городские бои, и к завершению военных действий в плену в Военном училище оказалась большая часть советских комиссаров. Несмотря на то, что был заключен мир на условиях взаимных уступок и создания коалиционного правительства. Несмотря на то, что большая часть населения стотысячного города явно сочувствовала сторонникам прежней власти, власти Временного правительства. Но дух революции, дух свободы и ненависти к прошлому были настолько сильны, что тысяча отчаянных штыков, готовых драться дальше, готовых снова пролить свою и чужую кровь, заставила подчиниться себе десятки тысяч нерешительных.

Высшим органом власти в Иркутске и губернии был объявлен Комитет советских организаций. В него вошли большевики и их союзники: левые эсеры, меньшевики-интернационалисты и анархисты. Кто же были эти представители новой власти? Это были разные люди, но их можно разделить на несколько групп:

Во-первых, это «старые» большевики, всю жизнь посвятившие революционной борьбе, такие как Б. Шумяцкий (31 год), Я. Янсон (31 год), Н. Гаврилов (31 год), П. Постышев (30 лет), М. Трилиссер (34 года). Люди еще достаточно молодые и активные, вместе с тем с большим жизненным и революционным опытом, они энергично взялись за дело претворения декретов Совнаркома в сибирскую жизнь. Среди большевиков выделялся своей «умеренностью» старый партиец гласный Иркутской городской думы, военный доктор Н.А. Алексеев (44

Рис. 3. Я.Д. Янсон, председатель Иркутского Совета РД в 1917 г. Дата фотографии неизвестна ГАНИИО. Фотофонд
Fig. 3. J.D. Yanson, chairman of the Irkutsk Council of the RD in 1917. The date of the photo is unknown GANIIO. PhotoFund

Рис. 4. М.А. Трилиссер, член Иркутской ЧК в 1918 г. Фотография предположительно 1915 г. ГАНИИО. Фотофонд
Fig. 4. M.A. Trilisser, a member of the Irkutsk CheKa in 1918. The photograph is supposedly 1915 GANIIO. PhotoFund

года), лично знакомый с В.И. Лениным по работе в «Искре». Интересно, что после падения советской власти в Иркутске 11 июля 1918 г. доктор Алексеев не только не пытался скрываться, но и как ни в чем

не бывало, явился как гласный на заседания думы и писал в газеты о своем «большевизме, правого соглашательского толка». 16 июля он был все же арестован, но через несколько дней был выпущен по ходатайству гласных Добровольского и Казанского (Иркутские дни. 1918. № 24, 27). Все это не помешало Алексееву оставаться в фаворе и в советское время, он избежал репрессий и благополучно дожил до 98 лет.

За ними, а порой и впереди, шли молодые фанатики социалистических идей, несмотря на свой ничтожный по старым (и современным!) меркам возраст, занявшие высшие должности и посты, такие как командующий фронтом С. Лазо (23 года), нарком просвещения П. Парняков (22 года), нарком советского управления поэт Ф. Лыткин (20 лет). Интересно, что в отличие от вышеперечисленных старших товарищей, никто из них не пережил гражданской войны.

К ним же примыкали так называемые «большевики новой формации», доселе малоизвестные либо вовсе неизвестные, но с энтузиазмом принявшие идеи большевизма и ставшие ее яростными проводниками, такие как будущий комендант Иркутска (летом 1918 г.) А. Шевцов, первый председатель Иркутской ЧК И. Посталовский (26 лет), командующий войсками Иркутского ВО М. Рютин (27 лет). О Шевцове писали в прессе: «Но нам опасны те большевики, которые до революции к рабочему движению никакого отношения не имели. Вот, например, т. Шевцов. Он отбыл за что-то бессрочную каторгу, и я (Боровский), осужденный на семь лет каторги, никогда не слышал, что он большевик» (Иркутская жизнь. 1918. № 4). Шевцова в первые ряды большевиков вынесла все та же героическая осада Белого дома: «Нелепый, искрящийся жизнерадостностью парень, отлично себя чувствующий в «числе драки». Без драки Шевцов – этот веселый верзила с длинными руками в коротких рукавах – весь как то вянул... Позднее, когда иркутские юнкера держали нас под обстрелом восемь суток в Белом доме, и мы уже доедали вторую лошадь, я спросил у Шевцова, бывшего у нас за повара: – Ну как дела? – Ух, важно! Как буржуй наелся!..» (Чужак-Насимович, 1927. С. 42).

Рис. 5. А. Шевцов. 1918 г. В июле 1918 г. – военный комендант г. Иркутск. Фотография 1917–18 гг. Публикуется впервые. ИОКМ. Фотофонд
Fig. 5. A. Shevtsov. 1918. In July 1918 – military commandant of Irkutsk. Photo of 1917–18. Published for the first time. IOKM. PhotoFund

Кроме них были еще и «люди момента», такие как прапорщики С. Блюменфельд и А. Зотов, «комиссар Слюдянки» К. Дашков,² и личности, окутанные тайным ореолом, как военный комиссар Т. Стремберг и контрразведчик А. Луцкий. Так, 10 лет спустя, Р. Эйдеман писал о Стремберге в декабре 1917 г.: «Во главе отряда был поставлен капитан С., именовавший себя большевиком, но человек для Канска новый, недавно прибывший с фронта. Личность С. осталась до сих пор не выясненной. Он выдавал себя за старого большевика,

² Дашков Константин Осипович (24 года в 1918 г.). Подхорунжий, из ставропольских казаков. Этапирован в октябре 1918 из Томска в Иркутскую тюрьму. 16 декабря 1918 г. при попытке бежать от сопровождающего его конвоя Дашков был убит (ГАИО. Р-157. Оп. 2. 1918. Литера «Д». Л. 10).

Dashkov Konstantin Osipovich (24 years in 1918). Podhorrnzhnyy, from the Stavropol Cossacks. Staged in October 1918 from Tomsk to the Irkutsk prison. On December 16, 1918, when an attempt was made to escape from his escort, Dashkov was killed (GAIO, R-157. Op. 2. 1918, Letter "D." L. 10).

но документов, которые бы подтвердили его партийный стаж, у него не было. С. – по происхождению финн или швед. Человек малоразговорчивый. Он весьма неохотно делился с нами своими воспоминаниями о прежней революционной работе. Его скупость на слова мы объясняли чертами его характера. Уже впоследствии мне пришлось слышать о С. ряд нелестных отзывов. Говорили даже, что его прежняя служба каким-то образом связана с полицейщиной. Но должен со всем беспристрастием сказать, что в предоктябрьские и в октябрьские дни С. держал себя безукоризненно и был вне всяких сомнений...» (Эйдеман, 1927. С. 90).

Немало среди советского руководства оказалось, очевидно, и случайных людей. Несмотря на свою активную деятельность и занятие высоких постов, в последующей советской истории места им не отвелось. Таких людей было немало, упомянем лишь создателей Красной гвардии на Забайкальской железной дороге – члена Центросибири

левого эсера Г. Цветкова и начальника Главного штаба Н.И. Арцыбашева. Несоветская пресса тех времен полна громких эпитетов в их адрес: «Они [советское руководство] создали штаб красной гвардии и поставили во главе его большого ненормального морфиниста Цветкова, а потом после крупного скандала, Цветкова заменил не менее известный в Иркутске рыцарь зеленого поля Арцыбашев...» (Свободный край. 1918. № 44). Под крупным скандалом подразумевается инцидент 20 января 1918 г., когда Г. Цветков после неудачной попытки установления Советской власти в Чите, вернулся в Иркутск и был задержан в пьяном виде с оружием в билльярдной Вимсона на углу Большой и Ивановской (Новая Сибирь. 1918. № 5). Спустя несколько дней он был исключен из состава Центросибири и более в исторических источниках не упоминается.

Вообще начальный период установления Советской власти создавал благоприятные условия

Рис. 6. Штаб Красной гвардии Забайкальской ЖД: М.В. Миронов, С.И. Винокуров, И.В. Трифонов, И.И. Арцыбашев. Фотография 1918 г. Публикуется впервые. ГАИО. Фотофонд
Fig. 6. Headquarters of the Red Guard of Trans-Baikal Railway: M.V. Mironov, S.I. Vinokourov, I.V. Trifonov, I.I. Artsybashev. Photo of 1918. Published for the first time. GAIО. PhotoFund

для деятельности всевозможных авантюристов и мошенников. Кроме откровенного проходимца командира эскадрона 1-го Иркутского кавдивизиона А. Караева, перешедшего после поражения советских войск на сторону атамана Семенова, следует упомянуть уроженца Балаганского уезда Иркутской губернии М.П. Янкова. Менее чем за год ему удалось проделать потрясающую карьеру от мелкого мошенника до военного комиссара Комитета Советских организаций и начальника гарнизона г. Читы. В 1913 г. он был осужден в Иркутске на 8 месяцев за изготовление подложных поручительств и получение по ним в магазинах различных товаров в кредит. Продолжал в том же духе в Верхнеудинске. Неожиданно М. Янков всплывает, уже являясь начальником милиции 5 участка Иркутского уезда. В августе 1917 г. он скрылся, захватив с собой 1860 р., отобранных у китайцев, и расстратив 440 р. казенных денег (Прибайкальская жизнь. 1918. № 4). А в январе 1918 г. наш «герой» прибыл в Иркутск в качестве вахмистра и председателя полкового комитета 1-го Верхнеудинского казачьего полка. Именно во главе с Янковым утверждается в феврале 1918 г. Советская власть в Чите, а далее устанавливается диктаторский режим, получивший название «янковщина». В апреле 1918 г., обличенный в злоупотреблениях, М. Янков скрылся из Читы и снова всплыл лишь в июле, арестованный томским эсеровским отрядом у себя на родине в Балаганском уезде. Водворенный в иркутскую тюрьму, он закончил свою бурную жизнь, казненный в ночь на 3 августа 1918 г. вместе с И. Посталовским, О. Гроссом и другими (Сибирь. 1918 г. № 20).

Ну и наконец, едва ли не самая яркая фигура Иркутска 1918 г. на политической сцене. Ефим Спиридонович Пережогин (37 лет), уроженец Таганрогского уезда Донской области, солдат 9-го запасного полка, анархист, один из лидеров сентябрьского солдатского мятежа 1917 г. Как внешностью, так и поведением, он производил незабываемое впечатление на окружающих: «Пережогин – член Совдепа, анархист и один из их лидеров, саженного роста и широченный в плечах. Усы отпущены к низу, как у пьяницы, каковым, между прочим, он и был. Носил длинные волосы, какие обычно носили

идеологи анархизма, мне кто-то говорил, что Пережогин отбывал тюремное заключение не за революционные дела, а за что-то другое...» (ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 853. Л. 48). Еще более сочное описание, относящееся к лету 1918 г., оставил М. Димов: «По улицам Читы, помню, ходил тогда анархист Пережогин. Человек примерно в сажень ростом, на голове седые кудрявые волосы, одет в белую брезентовую рубаху и шаровары защитного цвета, в необыкновенно высокие сапоги, за поясом револьвер, на ремне две бомбы, в руках дубинка метра в полтора длиной и трубка с чайный стакан с полуметровым чубуком. Этот великан расхаживал по Калининской с личной охраной и вел агитацию против Советов» (Партизаны. 1929. С. 60).

Арестованный в ходе солдатского мятежа, согласно приказу по войскам Иркутского ВО от 14 ноября 1917 г. и постановления Иркутского военно-окружного суда от 10 ноября 1917 г., Пережогин признан ненормальным в умственных способностях и подлежащим исследованию в Томской психиатрической больнице (Иркутские вести. 1918. № 2). Но благодаря революции Ефим Пережогин вместо психбольницы оказался в... составе героического гарнизона Белого дома! Прямых упоминаний в документах об этом нет, но ряд фактов позволяет это утверждать. В повести П.П. Петрова, лично участвовавшего в обороне Белого Дома, – «Кровь на мостовых» (1931) Пережогин – один из активных защитников оплота Советов. В более известном позднем романе «Половодье» автор, видимо, по политическим соображениям, убирает его из числа героев-защитников Белого Дома. Кроме П. Петрова, на подобный вывод наводит явная близость Пережогина с А. Зотовым. Все его последующие мандаты и удостоверения подписаны неизменно комиссаром охраны города А. Зотовым. Представляется, что только совместные пережитые испытания во время 8-ми суточной зимней осады заставили проникнуться молодого прапорщика уважением и доверием к харизматичному анархисту.

В январе – марте 1918 г. имя Ефима Пережогина то и дело мелькает в газетной хронике, он производит обыски и аресты, закрывает газеты, проверяет самообхрану. Но поскольку в ряде случа-

ев имели место злоупотребления и даже кража денег солдатами из его окружения, постепенно он теряет покровительство советского руководства. В июне 1918 г. Пережогин объявился с небольшим отрядом в Чите с требованием к местным властям дать ему неограниченное право проводить реквизиции и конфискации, а когда получил отказ, пытался арестовать военного комиссара, за что сам оказался в тюрьме (Советская власть. 1918. № 29). Вершиной же незаурядной биографии Пережогина стало ограбление Читинского государственного банка 26 августа 1918 г. Но здесь следует отметить, что в списке лиц, подлежащих розыску и аресту в связи с громким ограблением, фамилия Пережогина числится лишь под № 10, уступая первые позиции более известным советским деятелям, таким как П. Половников, Х. Гетоев и другие (Дальист-парт, 1924. С. 101–102). Спустя две недели Пережогин был убит в Благовещенске, не то интернационалистами, не то в ходе очередной попытки ограбления банка.

Таков общий портретный ряд наиболее известных личностей Иркутской губернии, выдвинувшихся на политическую арену благодаря революции. Биография каждого из них заслуживает пристального внимания историков и еще ждет своих исследователей. А напоследок упомянем особую категорию командиров, достойную персонажей И. Ильфа и Е. Петрова:

«...Я помню, какая же была растерянность в Иркутске. Еще до выступления чехов наш военный отдел не работал ни черта, и в нем открыто заседали в качестве работников какие-то типы с царскими орденами на лацканах... . Все бегали, все суетились, сталкивались лбами, как бараны, звенели шпоры и раздувались галифе, но толку, повторяю, не было ни на грош. Наш командир отряда Тиунов здесь тоже разрядился почем зря, где-то достал себе маузер с прикладом и походную сумку (но без карты) и носился как дурень с торбою, прельщая собою иркутских проституток, за что потом ему и другим пришлось расплачиваться в Березовском (В-Удинск) госпитале. Словом, это был самый из неудачных командиров, и я ни разу не видел его в боях, ибо он как-то «смывался», а его «примеру» следовал и его помощник Иовлев, и отряд наш

барнаульский с громким лозунгом на красном знамени: «За власть труда умрем, но не сдадимся!» – начал разлагаться...» Из воспоминаний В. Кудряшова. 1-я Барнаульская маршевая рота Красной гвардии // Гражданская война в Сибири: Форум [Электронный ресурс]. URL: <http://wap.siberia.forum24.ru> (дата обращения 29.03.2017)³.

Деструктивные элементы: анархисты, уголовные, военнопленные

Кроме ошибочного выбора командного состава одной из причин неудач военного строительства Центросибири П.А. Новиков и А.М. Романов видят в опоре Советов на некоторые узкие деструктивные группы (уголовные, анархисты, военнопленные). Но у большевиков в этот период не было широкой социальной опоры. В Сибири в отличие от центральной России было мало пролетариата, крестьяне почти полностью стояли за эсеров, поэтому им приходилось идти на сотрудничество с теми, кто был к этому готов. После всеобщей демобилизации остро встал вопрос о создании собственных вооруженных сил. В населенных пунктах, где имелось хоть небольшое количество пролетариата, создавались отряды красной гвардии из рабочих. В первую очередь, кроме Иркутска, это были уездные центры, железнодорожные станции и поселки, отдельные заводы, каменноугольные и золотодобывающие прииски. С большевиками сотрудничали левые эсеры, анархисты, меньшевики-интернационалисты. Наибольшим пугалом для общественности стали анархисты.

Идеи анархизма в 1917 г. получили широкое распространение в Сибири и в частности в Иркутской губернии. Их демагогические лозунги, отрицание всякой власти и требование всеобщей социализации пользовались особенной симпатией среди солдатских масс и рабочих горнорудной промышленности. На Черемховских угольных копях большой вклад в развитие анархических идей внесли анархисты-эмигранты из Америки, при-

³ Речь идет о П.Ф. Тиунове, герое гражданской войны и почетном партизане из Барнаула.

We are talking about P.F. Tiunov, a hero of the Civil War and an honorary partisan from Barnaul.

бывшие сюда летом 1917 г. (Буйских, 1922. С. 41). О популярности партии анархистов свидетельствует тот факт, что на II Съезде Советов Сибири в феврале 1918 г. делегация от черемховских копей из 7 человек была полностью из анархистов (Подвиг Центросибири, 1986. С. 79–80). Известен целый ряд видных анархистов, принимавших активное участие в установлении советской власти в Иркутской губернии: И. Гейцман, С. Ильинский (уже в феврале 1918 г. зарегистрирован как большевик), П. Ерыгин, А. Буйских, Н. Каландаришвили, Ф. Грех, Е. Перезогин, В. Каминский и А. Караев. Две последние личности, приехавшие с отрядом в Иркутск в декабре 1917 г. из Красноярска, наиболее темные личности, имевшие за собой целый шлейф криминальной деятельности (в красноярской газете «Свободная Сибирь» за ноябрь – декабрь 1917 г. на эту тему печаталась серия статей В. Храмцова). Вполне вероятно, что принадлежность к партии анархистов была для них лишь удобной ширмой для осуществления своих преступных замыслов. Тем не менее в дальнейшем А. Караев возглавил 1-й эскадрон 1-го Иркутского кавалерийского дивизиона анархистов-интернационалистов (под командованием Н. Каландаришвили) и принял участие в гражданской войне. Личности В. Каминского посвящена публикация красноярского историка А.П. Дементьева (Дементьев А.П., Каминский В.К. [Эл. ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/dementjev-kaminskij>). В ней В. Каминский предстает лишь как политическая фигура, незаслуженно облитая грязью в кадетской прессе.

И. Гейцман и П. Ерыгин занимали высокие должности в Центросибири, председатель Черемховского Совета А. Буйских пытался проводить социализацию черемховских угольных копей. Кроме Н. Каландаришвили и А. Караева, формированием отдельных анархистских вооруженных отрядов занимался известный в 1918 г. в Иркутске идеолог анархистов Ф. Грех: «Мною разрешено члену совета федерации групп анархистов Фоме Грех формировать отдельную интернациональную анархическую пехотную роту в городе Иркутске» – приказ по войскам Иркутского военного округа. Г. Иркутск, 11 марта 1918 г. за подписью ис. об. комиссара по военным делам округа Стремберга (Трудовой на-

Рис. 7. Председатель Черемховского совдепа А. Буйских. Предположительно 1920-е годы. Публикуется впервые. ИОКМ. Фотофонд
Fig. 7. Chairman of the Cheremkhovskiy Soviet A. Buyskiy. Presumably the 1920s. Published for the first time. IOKM. PhotoFund

род. 1918. № 3). Вообще роль в гражданской войне в Сибири анархистов, действительных и мнимых, еще предстоит установить. В советской историографии она замалчивалась, а участники советских отрядов в своих воспоминаниях также крайне редко признавались, что в 1918 году они были условно «не совсем большевиками». Напротив, все местные небольшевистские газеты за 1918 г. переполнены сообщениями о бурной деятельности «анархистских» отрядов, что, впрочем, не исключает, что в глазах обывателя любой недисциплинированный отряд виделся анархистским.

Требуется изучения и политическая принадлежность известных героев гражданской войны в Ленско-Витимском округе и Бодайбо А. Стояновича и Т. Алымова. Меншевик И.А. Атлас в июле 1918 г. пишет о Бодайбо: «Но в последнее время среди заправил начали преобладать анархисты, к которым, между прочим, присоединился какой-то проходимец, Стоянович, именовавший себя то капита-

ном сербской армии, то профессором; он занял должность начальника красной гвардии, а когда в мае они объявили военное положение, то он же был назначен главнокомандующим...» (Иркутские дни. 1918. № 24). Подобные газетные статьи зачастую ненадежны, летом 1918 г. А. Стоянович проявил личное мужество в боях под Киренском и до конца остался верным идеям советской власти. Но был ли он «югославским коммунистом», как утвердилось в историографии, требует уточнения. Вообще тенденция к «обольшевичиванию» всех подразряд красных командиров 1918 г. искажает истину, на самом деле они были представлены самой широкой политической палитрой. Не умаляя достоинства большевиков, мы должны, прежде всего, следовать принципам Истины. То же относится и к Т. Алымову, расстрелянному есаулом И. Красильниковым в с. Половинка на р. Лене. Кем же мог быть красный герой и мученик, как не большевиком? Однако на самом деле Т. Алымов до революции был членом Перовской группы анархистов под кличкой «Кропоткин» (История одной семьи. [Эл. ресурс]. URL: <http://chulmanlib.ru/wp-content/uploads/2014/10/>). Осужденный в Ташкенте в 1908 г. за организацию преступной анархистской группы, он был в 1910 г. направлен в ссылку в Якутию, где находился до 1916 г., когда перебрался в Бодайбо. Считал ли себя Алымов в 1918 г. большевиком – остается под большим вопросом...

Наиболее крупным центром формирования анархистских отрядов был город Черемхово. Правда, нередко их «анархистская» принадлежность была условной, анархистами могла быть часть командиров, а рядовой состав слабо разбирался в политике и вряд ли понимал принципиальное различие между большевиками, левыми эсерами или анархистами. Один из таких отрядов был направлен в марте – апреле 1918 г. на подавление контрреволюционного выступления в Троицкосавске:

«...Этот отряд именовал себя анархистским. На большом красном знамени отряда значились лозунги: «Мир хижинам, война дворцам!» и «Грабь награбленное!» С приходом отряда дружина самообороны ретировалась в Маймачен, за ней сбегала буржуазия и зажиточная часть населения. Советы снова взяли всю полноту власти в городе в свои

руки. Черемховский отряд, оказав помощь Совету, разогнав белогвардейщину, возомнил, что он является решающей силой и перестал подчиняться Совету депутатов и штабу местной Красной Гвардии. В этом отряде, называвшем себя анархистским, имелись элементы с уголовным прошлым, и они при всяком удобном случае занимались мародерством, воровством, пьянствовали, бесчинствовали. На требование исполкома Совета навести в отряде порядок, командование анархистов арестовало членов исполкома и предъявило ультимативное требование о предоставлении контрибуции. Отряд занял почту и телеграф...» (Назимов, 1957. С. 169–170). На Троицкосавск была возложена контрибуция в 500 тыс. рублей, а в качестве гарантии уплаты взяты в заложники 18 купцов. Впоследствии один из командиров отряда Р. Кошкин на заседании Центросибири оправдывался: «...До последних дней все шло сравнительно благополучно. Особых трений между советом и отрядом не замечалось. Только в последние дни перед отъездом, когда черемховцы увидели, что уезжать приходится с пустыми руками, что «не с чем будет встретить Пасху», начали предъявлять требования об уплате им за все время командировки по тем ставкам, что они получали на месте в Черемхове. Когда им в этом было отказано, они решили действовать самостоятельно...» (Забайкальский рабочий. 1918. № 101). По прибытии отряда в Иркутск, он был разоружен и расформирован. Интересно свидетельство бойца отряда Попова о принципах командования и принятия решений: «...Около семафора нам было предложено сдать оружие. Наше командование выполнило волю отряда и это вполне понятно в то время – простое голосование и никаких гвоздей – не согласились на разоружение. Потом, когда пригрозили, что стоят орудия и пулеметы, что одно из двух, или держать бой или сдаваться, решили разоружиться...» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 404. Л. 11).

В отличие от Центральной России, в Сибири в 1918 г. большевикам не удалось обуздать анархистов и ликвидировать их самостоятельные вооруженные формирования. Эти отряды, оставаясь на платформе советской власти, обладали известной самостоятельностью и отличались низкой дисципли-

ной. Демагогические лозунги привлекали в их ряды наиболее деклассированные элементы. В Иркутске весной – летом 1918 г. сложился устойчивый конфликт между анархистами 1-го Кавалерийского дивизиона и городской милицией, в частности, со 2-м и 4-м комиссариатами. В апреле 1918 г. дошло до захвата и погрома анархистами-кавалеристами уголовно-розыскного бюро (Власть труда. 1918. № 79). Инцидент был исчерпан мирным путем, но решением общего собрания милиционеров уголовно-розыскное бюро было расформировано. 11 июля при отступлении советских отрядов произошел бой между анархистами и милиционерами 4-го комиссариата, в ходе которого были убиты два милиционера.

На Прибайкальском фронте отряды анархистов, по заверениям советских руководителей, приносили больше вреда, нежели пользы, и командование фронта было вынуждено увести их в глубокий тыл.

Следующая деструктивная группа, причем сильно преувеличенная, входившая в состав красногвардейских отрядов – уголовные. Говоря об уголовных, нередко действительно входивших в советские вооруженные формирования, нужно понимать, что речь идет об «уголовных» не по роду занятия, а по социальной принадлежности к бывшим уголовным каторжанам, т. е. о лицах, ранее отбывавших заключение по уголовным статьям. Как правило, они уже отбыли каторгу, или вышли по амнистии и работали на различных предприятиях и промыслах, прежде всего, угольных или золотых приисках, ничем кроме своего прошлого, не отличаясь от других рабочих. Именно о такого рода «уголовных» рассказывает в своих воспоминаниях об отступлении из Бодайбо председатель Бодайбинского Совдепа К.А. Мальцев: «...Были сначала со мной 3 красногвардейца, но один из них ушел, потому что он сомневался в том, куда мы идем, а остальные два охотно пошли со мной. Причем очень любопытно. Оба они были старые уголовники. Один из них отбыл 12 лет каторги, а другой 8 лет. Очень долгое время они работали без всяких паспортов на приисках. Оба они были на приисках, когда были ленские события. Я не могу сказать, чтобы они что-нибудь в политике понимали, зада-

чи и цели нашей борьбы они понимали очень смутно, но они всей душой ненавидели всяких чиновников и особенно приставов и урядников. Их все время гоняли, и поэтому, когда мы бросили призыв – иди и сражайся с царским правительством и со всеми, кто хочет его защищать, то мы в их лице нашли чрезвычайно честных, преданных, героически настроенных товарищей...» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 403. Л. 20).

Много бывших уголовных было на Черемховских угольных копях. По свидетельству А. Буйских, один из них, тов. Михеев, машинист на электрической станции, одно время даже был председателем Совета, а летом 1918 г. погиб на ст. Байкал, командуя черемховским бронепоездом (Буйских, 1922. С. 99–101). Другой бывший уголовный тов. Кузнецов, столяр с Рассушинских копей, входивший в Совет, также погиб под Мурино, бросившись в воды Байкала, чтобы не попасть в плен к белым и чехам. В тоже время мы не можем отрицать, что в отдельных случаях в ряды советских отрядов вступали и вполне реальные уголовники, видевшие в этом удобное прикрытие для преступной деятельности. Известен ряд случаев, когда иркутские милиционеры, занимаясь своей работой по охране правопорядка и защите мирных граждан, сталкивались со своими бывшими подопечными уголовниками и даже сами подвергались преследованию с их стороны. Так, 24 апреля 1918 г. сотрудники уголовно-розыскного бюро преследовали и застрелили при задержании двух преступников, оказавшихся членами анархистского кавдивизиона, что привело на следующий день к погрому уголовно-розыскного бюро. Также 7 июля 1918 г. едва не был убит сотрудник уголовно-розыскного бюро Д. Мордков-Добрый, арестованный анархистами «как сыщик», при конвоировании в тюрьму его ранили из винтовки и избили прикладами (Свободный край. 1918. № 49). Также в Троицком заводе (Черемховский уезд) в составе отряда Красной гвардии в феврале 1918 г. было значительное количество уголовников, что подтверждает доклад специальной комиссии Центросибири: «Группа троицких красногвардейцев сложилась за малым исключением из людей преступного прошлого, из воров-рецидивистов, теперь заявляющими себя

перед крестьянами анархистами, поставившими своей целью введение коммунистического образа жизни в окрестности. Из этих бесповоротно испорченных людей организована Красная гвардия некими Юрласовым и Сухаревым, бывшими воротилами в декабре месяце в Троицком районном Совете, преступное прошлое которых свежо в памяти местных граждан. Многие из красногвардейцев прямо мстят крестьянам за жестокую расправу последних с ними за недавние кражи...» (Подвиг Центросибири, 1986. С. 179–180).

Подчеркнем, что подобные случаи были скорее исключением, а отнюдь не правилом, как иногда пытаются изобразить некоторые исследователи. Кроме того, когда мы говорим о маргинальности уголовных и анархистов, не стоит их излишне демонизировать. К примеру, как ни покажется странным, казаки, вчерашняя опора царизма, согласно показаниям иркутского казака есаула В. Кубинцева, также не блистали высоким моральным обликом: «...В казармах царило пьянство, буйство, побеги, продажа лошадей строевых, кража лошадей и седел в казачьих частях и друг у друга, прочего имущества. Считаю долгом оговориться, что преувеличения нет: в Иркутском войске преступность подавляющая. Есть семьи, где сыновья почти сплошь на каторге за грабежи и убийства. Комитет при дивизионе к данному моменту состоял из ополумевших от ежедневных митингов людей. Председатель – бывший телеграфист Николай Богданов (революцию встретил на гауптвахте, болел сифилисом, лечил приемами денатурата)... Такова характеристика войскового правления – до рубки на смерть шашками друг друга...» (Новиков, Романов 2008. С. 53).

Теперь коснемся важного вопроса об участии в гражданской войне на советской стороне иностранцев. Речь идет о военнопленных, прежде всего, уроженцах Австро-Венгрии, в советской историографии их называли интернационалистами и воздавали им почести. Напротив, сторонники Белого движения и сейчас считают, что идея большевиков вооружить военнопленных и использовать их в борьбе со своими политическими врагами была в высшей степени аморальной и подлой. Действительно, русский офицер, герой войны, вернувшийся

с германского фронта домой, и обнаруживший, что те, с кем он год назад сражался и кого он брал в плен, теперь вооруженные ходят по его родному городу и при случае могут арестовать и его самого, вызывает как минимум сочувствие...

Но большевики и их сторонники, руководствуясь идеей мировой революции, не были чересчур щепетильны в выборе средств для достижения своих целей, они делили мир не по национально-государственному признаку, а исключительно по классовому. И военнопленный, разделяющий их социалистические идеи, был им гораздо ближе, чем рядовой российский обыватель, с сомнением относящийся к смелым революционным преобразованиям.

В 1917 г. в лагерях от Урала до Приморья находились сотни тысяч военнопленных, подавляющее большинство которых составляли подданные Австро-Венгерской империи. Многие из них, обладая квалифицированными рабочими специальностями, трудились за пределами лагерей, общались с российским пролетариатом и были знакомы с революционными идеями. Революцию в России они приветствовали, поскольку видели в ней возможность к скорому заключению мира и возвращению на родину.

В Иркутске военнопленные уже в декабре 1917 г. приняли участие в боях на стороне ВРК (Ноябрьская революция... 1960. С. 462–463). В январе 1918 г. охрана военнопленных в Военном городке была поручена отряду из самих военнопленных, вооруженных для этого 120-ю трехлинейными винтовками (Новая Сибирь. 1918. № 8). Многие сибирские отряды, организованные по призыву Центросибири для отправки в Забайкалье против атамана Г. Семенова, частично состояли из интернационалистов, а в некоторых они преобладали. Имеющиеся данные об их численности противоречивы и требуют уточнения на основе привлечения новых источников. Надо также сказать, что далеко не все военнопленные взяли в руки оружие и приняли участие в Гражданской войне. Большая часть оставалась в лагерях, соблюдая нейтралитет и не желая вступать во внутри российский конфликт. Известны случаи и принудительной мобилизации, как это имело место 22 июля 1918 г. в Березовском лагере

(под Верхнеудинском) (Дело. 1918. № 1). Правда, желаемого результата это не дало:

«...Числа 19-го и 20-го у нас произошла мобилизация среди военнопленных, находившихся в Березовских лагерях. Мы их мобилизовали по революционному, как говорит песня: «Или с нами, или против нас». Выставили два пулемета, выстроили всех военнопленных: мадьяр в одну сторону, чехов в другую сторону, немцев в третью сторону. Подошел к ним врач, спрашивает: «Чем болел? – Ничем. – Стрелять можешь? – Могу». Отсчитываем по сто человек и отправляем в вагон, где выдавали обмундирование. Таким образом мы собрали 2800 человек мадьяр... Мы погрузились в эшелоны на станции Мысовая. Мобилизованным выдали оружие. На собрании при мобилизации решили, чтобы дать им оружие сейчас же, а тов. Унгар командир роты и другие решили так, чтобы лишь на станции Мысовая было выдано оружие командиру роты, специально назначенному из Омского отряда... Когда мы прибыли на станцию Слюдянка⁴ и разгрузились, оружие было выдано и тут же ночью двинулись в Байкальские горы, тянущиеся вдоль дороги, и около 36-го туннеля мы заняли сопку. Ночью по телефону звонил тов. Ковач и передал, что половина его роты сдалась в плен, и просит срочно выслать помощь. Мы сейчас же послали подкрепление, но было уже поздно, так как чехи уже успели занять большое пространство...» (ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 789. Л. 10–11).

В целом в Сибири, так называемые красные мадьяры стали надежной опорой Советов. Обладавшие военным опытом, более дисциплинированные, сплоченные, не имеющие «пути назад», они оказались одними из наиболее боеспособных советских формирований.

⁴ Слюдянка была занята белочехами 20 июля. Если мобилизация согласно газетным данным произошла 22 июля, то дальнейшие события произошли восточнее Слюдянки.

Slyudyanka was occupied by the White Czechs on July 20. If the mobilization according to the newspaper data occurred on July 22, then further events occurred east of Slyudyanka.

Убийства, самосуды и террор

Говоря о гражданской войне, мы не можем обойти стороной один из ее самых щепетильных аспектов. Речь идет о расправах, убийствах и политическом терроре. Выше мы уже коснулись этого вопроса, говоря о первом опыте большевиков в борьбе с политической оппозицией. Наряду с относительно мягкими приговорами ревтрибунала, имели место эпизоды, так или иначе могущие попасть под определение убийств, самосудов и террора. Эти факты были, и нам нужно их озвучить, дабы избежать обвинений в их умалчивании. Более того, сравнительная редкость и исключительность подобных случаев лишь подтверждает общее правило, что в 1918 году красного террора как такового в Сибири не было. А все нижеприведенные факты не идут в сравнение даже с жертвами обыкновенного народного самосуда, процветавшего в это время не только в селах и деревнях, но и в городах. Пресса этого периода наполнена массой самых диких и жестоких самосудов над преступниками, ворами, конокрадами, а нередко и невинными людьми.

Итак, первые жертвы установления советской власти в Иркутске появились в ходе декабрьских боев 1917 г. Кстати имеющаяся тенденция в обвинении большевиков и их сторонников в больших жертвах среди мирного населения спорна, и вопрос «кто виноват?» остается актуальным. Скажем сразу, случаев грабежей, убийств безоружных, поджогов со стороны офицеров, юнкеров и казаков практически не зафиксировано, кроме единичных случаев. Так, например, жертвой самосуда стал дружинник пешего ополчения М.Д. Кривошеин, прибывший в Иркутск в качестве конвойного с двумя арестованными и задержанный юнкерами у Харлампиевской церкви. Юнкера не поверили его объяснениям, что участия в военных действиях он не принимает, и тяжело ранили его, вследствие чего пришлось ампутировать руку (Знамя революции. 1918. № 19). Обвинение в адрес противников советской власти уместно лишь одно, но весьма тяжелое. Несмотря на установление советской власти в Петрограде, Москве и большинстве других российских регионов, офицеры, юнкера, казаки и их идейные вдохновители эсеры, меньшевики и

кадеты, сочли возможным встать на путь вооруженного сопротивления, сочли возможным пролитие крови во имя сохранения старого миропорядка, жизненного уклада, чести мундира и личного достоинства. Если бы военно-учебные заведения и их сторонники (Военное училище, 1-я и 2-я школы прапорщиков, казачий дивизион) подчинились ВРК, самораспустились и сдали оружие, то не было бы вооруженной борьбы и напрасных жертв. Тем более что по факту все так и случилось, но ценой сотен жизней и разрушения города. Однако это уже скорее философский вопрос о праве самоопределения, о праве и форме борьбы за свои интересы и привилегии. Тогда и Гражданская война выглядит ненужной, раз победили в ней «красные», однако в ту пору, в декабре 1917 г. исход борьбы был не очевиден, и можем ли мы их судить? Так уж выходит, что большевики и их союзники из левых социалистических партий, с оглядкой на Совнарком посчитали себя вправе силой заставить своих оппонентов подчиниться, а юнкера, офицеры и казаки взяли на себя право силой же отстаивать свои интересы.

Во время декабрьских событий было немало случаев неумышленного убийства мирных граждан от огня артиллерии и случайных выстрелов. Подобные факты в силу их характера здесь не приводятся. Рассмотрим лишь случаи умышленного убийства безоружных граждан, их не так много. Самый известный и резонансный из них – убийство парламентаря, видного меньшевика, гласного Городской думы Н.П. Патлых. Он был застрелен ночью 14 декабря солдатским патрулем во главе с членом комитета 718-й дружины ополчения Агафоновым, когда возвращался с переговоров. Вина Агафонова, несмотря на свидетельские показания другого парламентаря Филиппова, также едва не убитого, так и не была доказана. Тем не менее Агафонов через газеты стал известен всей Сибири, и при падении советской власти летом 1918 г. он был захвачен в Туруханском крае: «Знаменитый наборщик Агафонов убийца Н.П. Патлых, когда был пойман, на коленях просил пощадить его жизнь» (Свободный край. 1918. № 44).

Не меньший резонанс имело жестокое убийство в ночь на 16 декабря мирового судьи К.М. Ав-

дулина и его сестры Е.М. Авдулиной. Согласно докладу начальника милиции Рункевича преступление было совершено группой из 12 солдат (Сибирь. 1917. № 268). Личности убийц не были установлены, следовательно, это могли быть, как и реальные солдаты одного из запасных полков, так и уголовные преступники, переодетые в солдатскую форму, что часто последними практиковалось.

В этих первых боях только-только начинавшейся Гражданской войны стороны еще не ожесточились, не обезумели от крови, поэтому арестованных и пленных еще не расстреливали. Однако, если верить отдельным воспоминаниям, единичные случаи все же были. Так, по словам черемховского красногвардейца Попова, «...наши разведчики захватили первую группу офицеров, которые в Глазково были высланы в качестве разведки. Эта группа состояла из 3-х человек. После допроса офицеры были расстреляны при всех черемховцах...» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 404. Л. 6).

Последующие случаи убийств и самосудов со стороны красной гвардии имели место в ходе установления советской власти в уездах Иркутской губернии. Так, согласно газетному сообщению, 17 декабря 1917 г. в с. Тыреть Черемховского уезда было расстреляно 3 человека, причем решение было вынесено через собрание (Наша деревня. 1918. № 2). Другой характер имело убийство в январе 1918 г. в с. Тагна того же Черемховского уезда председателя волостной земской управы эсера К.А. Лебедева (Свободная Сибирь. 1918. № 11). Прибывшие красногвардейцы арестовали и отправили его под конвоем в Троицкий завод. В поздних воспоминаниях красногвардеец Иван Крутелев предельно откровенен: «Но у нас не было уверенности, что штаб Троицкого завода пустит Лебедева в расход. Тогда мною по поручению организации было сказано тов. Черкашину свезти Лебедева в штаб ельник, то есть довести до ельника и расстрелять. Так это распоряжение тов. Черкашин выполнил, и с этого времени в Тагнинской волости была создана Советская власть» (ГАНИИО. Ф. 393. Оп. 5. Д. 54. Л. 5). Согласно заявлению гласного Душина, тогда же кроме Лебедева был убит И.И. Скоров и ранен штыком в живот Т. Звижев (Понедельник. 1918. № 9). Также согласно газетной заметке в

марте 1918 г. после крестьянского восстания на Троицком заводе было казнено 3 человека уже после заключения мира: прапорщик Савельев из Забалгая, солдат Зевельцев и крестьянин Замашников, «к восстанию не причастный» (Друг народа 1918. № 13).

Следующая группа инцидентов с расправами, имевшими место над гражданскими лицами со стороны красногвардейцев и красноармейцев, относится к периоду начавшихся военных действий на открывшихся фронтах гражданской войны. Зачастую их жертвами становились служащие, железнодорожники, телеграфисты, в силу своей профессии оказавшиеся в роли виновных в ходе тех или иных событий.

Так при захвате станции Шарасун 5 марта 1918 г. сводным отрядом С. Лазо был убит железнодорожный служащий: «...Лавринович был посажен в теплушку вместе со взятыми в плен семеновцами. При переводе их из теплушки в санитарный вагон толпа красногвардейцев и казаков набросилась на арестованных и, несмотря на энергичные меры, принятые им, командующим Лазо, помощник начальник станции Лавринович был заколот штыками» (Друг народа. 1918. № 16).

31 марта 1918 г. на разъезде Тургутуй Забайкальской железной дороги интернационалистами 1-го Омского отряда был убит младший кондуктор Смирнов (или Миронов), ранены главный кондуктор Гладунов и младший кондуктор Трипуз, обвиненные в крушении поезда, во время которого было ранено 3 солдата и 8 лошадей (Друг народа. 1918. № 13). Факт крушения поезда подтверждается в воспоминаниях интернационалиста Ш. Кереша, однако о расправе над железнодорожниками он не упоминает (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 566. Л. 36).

Во время наступления советских войск на Нижнеудинск (20–21 июня 1918 г.) в селе Шебарта было расстреляно шестеро местных жителей, в том числе священник Василий Петелин. Нужно сказать, что расправа была произведена не по лютой алчности большевистских комиссаров, а по просьбе группы местных крестьян (Нижнеудинские бюллетени. 1918. № 16). Гражданская война набирала силу, и стороны все более ожесточались. Барнауль-

ские красногвардейцы без смущения привели приговор в исполнение: «Когда раздался залп, предатели упали, но продавец и земский начальник были живыми, потому что стреляли все в попа, их прикололи штыками» (Гражданская война в Сибири. Форум. 1-я Барнаульская маршевая рота Красной гвардии. [Эл. ресурс]. URL: <http://wap.siberia.forum24.ru>).

В с. Макарово (южнее Киренска) был убит начальник почты. Сводный советский отряд А. Рыздинского, А. Стояновича, Т. Алымова в июле 1918 г. осадил Киренск. Город обороняли грузинская дружина Растомшвили, томский эсеровский отряд прапорщика Ликаонского и отряд, организованный местными офицерами. По воспоминаниям Я.С. Щербинина, отряд конницы во главе с Буйновым был направлен вверх по р. Лена в деревню Макарово с задачей занять телеграф и выяснить, идет ли к белым подкрепление. «Когда конница забрала телеграф, начальник телеграфа возможно с испугу бросился бежать и его красногвардейцы убили» (ГАНИИО. Ф. 300. Оп. 1. Д. 403. Л. 12). Из захваченных лент была получена информация об отряде Красильникова, но предпринять никаких контрмер красные уже не успели.

Самым крупным актом красного «террора» стало подавление иркутского восстания 13–14 июня 1918 г. По официальным данным, по приговору военно-полевого суда было расстреляно 12 человек (Вечерние известия. 1918. № 81). Однако это не все. Судя по всему, эти 12 человек были расстреляны 15 июня в казармах 1-го Советского полка (бывшие казармы 12-го запасного полка) по приговору суда и здесь же захоронены. В прессе 1918 г. сообщается, что еще 4 человека было расстреляно мадьярами у Знаменского моста, и еще 4 трупа были найдены чехословаками 15 июля в Глазково во дворе казарм 9-го запасного полка (Иркутские дни. 1918. № 25). Сведения о личностях казненных впервые попытался собрать П.А. Новиков (Новиков, 2005. С. 62). Добавим к названным им пяти фамилиям еще две: 19-летние семинаристы Николай Черкашин и Никандр Косыгин. Во время восстания они принимали участие в нападении на 1-й Советский полк, были взяты в плен и расстреляны в числе других 15 июня (Свободный край. 1918. № 35,

№ 49). Всего было арестовано 163 человека, из них вскоре освободили 38, официально казнено 12 человек. Остальные при эвакуации советских организаций были перевезены в Читу и даже приняли участие в событиях 25–26 августа, организовав отряд подполковника Б.П. Иванова (Свободный край. 1918. № 56).

Таким образом, число жертв даже в 20 человек свидетельствует, что репрессивные меры со стороны советских властей не носили массового характера и совершенно поблекли перед последующими карательными акциями белых. Так, в июне 1918 г. были расстреляны члены Нижнеудинского совдепа (встречающаяся иногда цифра в 100 человек казненных в один день, очевидно, абсолютно завышена, речь может идти возможно о 10 или более казненных), в июле были расстреляны члены Верхоленского совдепа, 14 человек. Или, к примеру, в тот же месяц в Тункинской долине, когда казаки уничтожили красные отряды И. Захарова, И. Истомина, Бардаховича, то только из отряда Захарова было расстреляно 24 человека, преимущественно мадьяр (Костарев, 1959. С. 44). Взаимное ожесточение набирало обороты, и в дальнейшем число жертв с обеих сторон будет только нарастать.

Заключение

Итак, история советских вооруженных формирований периода «первой советской власти» в Сибири изучена слабо и о многих аспектах военного строительства, ее участниках, мы по существу ничего не знаем. Советская историография была искажена идеологией, многое было просто нельзя делать достоянием общественности. В результате мы получили героический эпос и глянецовые портреты рыцарей революции без страха и упрека при полном забвении неудобных личностей и событий. Такой подход к истории при молчаливом понимании народа, что кроме коммунистической версии событий, есть еще и иная, запрещенная, привел при смене политического строя к крушению официальной картины мироустройства и к кардинальному перевороту в системе понимания «добра и зла». Идеологи Белого движения, наоборот, возвеличили тех, кого было принято считать врагами

народа, и очернили вчерашних героев. В результате истина так и осталась где-то посередине, поскольку картина мира в черно-белых тонах имеет мало общего с действительностью. Для восстановления исторической справедливости требуются новые глубокие, объективные исследования с привлечением неизвестных ранее источников, благо их много в архивах и библиотеках.

Касаясь военного строительства, нужно сказать, что большевики создавали командный состав методом проб и ошибок. Первыми командирами стали инициативные солдаты, председатели полковых комитетов, младшие офицеры, прапорщики, поручики. Уже вскоре часть из них отсеклась, не пройдя проверки на дисциплинированность, политические взгляды или порядочность. Отсеивался случайный элемент, авантюристы и мошенники.

Захватив власть руками солдат запасных полков, после демобилизации старой армии, Советы столкнулись с проблемой создания новой, Красной армии. В Сибири, с ее малочисленным пролетариатом, большевики испытывали острый недостаток в лояльном личном составе для создаваемых вооруженных сил. Поэтому имело место широкое привлечение узких деструктивных групп, особенно бывших иностранных военнопленных.

Нужно признать, что, несмотря на отдельные случаи самосудов и расстрелов, карательные меры советских органов власти в данный период носили довольно мягкий характер. Первый массовый расстрел (12–20 человек) имел место лишь после 5 месяцев советского правления в ответ на вооруженный мятеж.

Настоящим испытанием для молодой Красной армии стало начало крупномасштабной войны летом 1918 г. Отрезанная от центральной России, Советская власть в Сибири и на Дальнем Востоке три месяца вела ожесточенную борьбу с чехословацким корпусом и войсками Временного Сибирского правительства. Длительность и упорство этой борьбы свидетельствуют, что без вмешательства чехословаков, белогвардейские организации и эсеры, ставшие во главе местных боевых дружин, вероятно, не имели шансов самостоятельно свергнуть Советскую власть, поскольку основная масса гражданского населения, крестьяне, весьма ней-

трально относились к политическим движениям и во всякой власти видели притеснителя своих свобод.

Советские вооруженные формирования, не успев оформиться в единую сильную сбалансированную армию, потерпели жестокое поражение. Погибла значительная часть командного состава. Но оставшиеся в живых и на свободе, ушли в подполье, многие продолжили борьбу в партизанских отрядах, сохранив верность революционным идеям. Опыт поражения, анализ его причин, были ис-

пользованы позднее, в финальном этапе Гражданской войны.

А дело установления Истины, восстановления из тьмы небытия каждого отряда, каждого бойца, еще впереди!

P.S. В следующей статье автор планирует более подробно коснуться личности и деятельности двух наиболее ярких красных командиров 1918 г. в Восточной Сибири Ф. Лаврова и Н. Каландаршвили.

Приложение

**Первые комиссары и краскомы Иркутской губернии. История и судьбы
The first commissars and kraskomes of Irkutsk province. History and destinies**

ФИО Name	Возраст (в 1917) Age (in 1917)	Партийность, звание и пр. Partyism, title, etc.	Должность Position	Дата смерти Date of death	Причина Cause
Шумяцкий Б.З. Shumyatskii B.Z.	31	Большевик Bolshevik	Председатель Центросибири Chairman of Centrosibir	1938	Расстрелян Shooted
Янсон Я.Д. Yanson Ya.D.	31	Большевик Bolshevik	Председатель Ирк. Совета РД Chairman of the Irkutsk Soviet of Worker deputies	1939	Расстрелян Shooted
Гаврилов Н.А. Gavrilov N.A.	31	Большевик Bolshevik	Губернский комиссар Provincial Commissar	1919	Казнен Executed
Постышев П.П. Postyshev P.P.	30	Большевик Bolshevik	Председатель Военно-рев. Трибунала Chairman of the Military Revolution. tri- bunal	1939	Расстрелян Shooted
Трилиссер М.А. Trilisser M.A.	34	Большевик Bolshevik	Член Центросибири, Сибвоенкомата, ЧК Member of Centrosibir, Sibvoencomate, CheKa	1940	Расстрелян Shooted
Рябиков В.В. Ryabikov V.V.	32	Большевик Bolshevik	Комиссар телеграфа (1917), транспорта и сообщений (1918) The commissar of the telegraph (1917), the transport and communications (1918)	1962	
Гершевич К.Н. Gershevich K.N.	38	Большевик Bolshevik	Председатель Зиминского Совета Chairman of the Zima's Soviet	1918	Казнен Executed
Парняков П.Ф. Parnyakov P.F.	22	Большевик Bolshevik	Комиссар народного просвещения Commissar of Public Education	1919	Казнен Executed
Лыткин Ф.М. Lytkin F.M.	20	Большевик, поэт Bolshevik, poet	Комиссар советского управления Commissar of the Soviet Administration	1918	Убит Killed

Славин Б.А. Slavin B.A.	29	Большевик Bolshevik	Комиссар финансов Commissar of Finance	1919	Казнен Executed
Клейман (Муллер) Л.Д. Kleiman (Muller) L.D.	30	Большевик Bolshevik	Член Центросибири 2-го состава, Член Военного трибунала Member of Centrosibir of the 2nd composition, Member of the Military Tribunal	1976	
Виленский- Сибиряков В.Д. Vilenskii- Sibiriyakov V.D.	29	Меньшевик- интернационалист Menshevik- internationalist	Комиссар продовольствия и снабжения Commissar of Food and Supply	1942	Умер в лагере Died in the camp
Чужак- Насимович Н.Ф. Chuzhak- Nasimovich N.F.	41	Большевик Bolshevik	Комиссар печати и типографии Commissar of the Press and Printing	1937	?
Шумяцкий Я.Б. Shumyatskii Ya.B.	30	Большевик Bolshevik	Комиссар труда Commissar of Labor	1962	
Гейцман И.М. Geitsman I.M.	38	Анархист Anarchist	Комиссар иностранных дел Commissar for Foreign Affairs	1938	Расстрелян Shooted
Ерыгин П.В. Erygin P.V.	?	Анархист Anarchist	Член Центросибири Member of Centrosibir	?	
Дмитриевский В.И. Dmitirievskii V.I.	37	Поручик Lieutenant	Начальник штаба ВРК, Начальник охраны г. Иркутска Chief of Staff of the Military Revolutionary Committee, Head of Security, Irkutsk	1918, август August	Казнен Executed
Мельников Б.Н. Mel'nikov B.N.	22(26)	Большевик, прапорщик Bolshevik, Ensign	Член ВРК, командующий гарнизоном (1917) Председатель Троицкосавского Совета Member of the Revolutionary Military Committee, commander of the garrison (1917) Chairman of the Troitskosavsk Soviet	1938	Расстрелян Shooted
Лазо С.Г. Lazo S.G.	23	Левый эсер The Left SR	Командующий Забайкальским фронтом Commander of the Transbaikal Front	1920	Казнен Executed
Стремберг Т.М. Stremberg T.M.	?		Военный комиссар Military Commissar	?	
Рютин М.Н. Ryutin M.N.	27	Большевик Bolshevik	Командующий войсками Ирк. ВО Commander of the Irk. Military District	1937	Расстрелян Shooted
Посталовский И. Postalovskii I.	26	Большевик, солдат 9-го полка Bolshevik, Soldier of the 9 th Regiment	Начальник милиции г. Иркутска, председатель Сиб. ЧК The chief of militia of Irkutsk, chairman Sib CheKa	1918	Казнен Executed
Шевцов И?А? Shevtsov I?A?	?	Большевик Bolshevik	Комендант Иркутска (июль 1918) Commandant of Irkutsk (July 1918)	1918	Убит Killed

Лебедев С.И. Lebedev S.I.	29	Большевик Bolshevik	Командир Красной гвардии Commander of the Red Guard	1919	Умер в тюрьме He died in prison
Блюменфельд С.С. Blyumenfel'd S.S.	23	Прапорщик Ensign	Член Сибвоенкомата и ЧК Member of Sibvoencomate and CheKa	1918	Умер в тюрьме He died in prison
Зотов А.Н. Zotov A.N.	23	Прапорщик Ensign	Комиссар охраны города Commissioner of city protection	1920	Умер от тифа He died of typhus
Башаев И.С. Bashaev I.S.	27	Большевик, матрос Bolshevik, sailor	Член Центросибири Member of Centrosibir	1961	
Тананайко Д.Т. Tananaiko D.T.	20	Левый эсер The Left SR	Прапорщик 11-го полка, работал в сов. организациях Ensign of the 11 th Regiment, he worked at the Sov. organizations	?	
Аугул А.К. Augul A.K.	21	Солдат 12-го полка Soldier of the 12 th Regiment	Комиссар Иркутской тюрьмы Commissar of the Irkutsk Prison	1918	Убит Killed
Янков М.П. Yankov M.P.	26		Военный комиссар, начальник гарнизона г. Читы Military commissar, chief of the garrison of Chita	1918	Казнен Executed
Цветков Г. Tsvetkov G.		Эсер-максималист SR the maximalist	Член Центросибири Member of Centrosibir		
Кларк П.И. Klark P.I.	53	Левый эсер The Left SR	Член Главного дорожного комитета ЖД Member of the Main Road Committee of the Transbaikalian Rail Ways	1940	

Анализ

В таблице приведены 32 видных участника установления Советской власти в Иркутской губернии. Руководители, комиссары, командиры отрядов и подразделений.

Возраст: 20–25 лет – 8 человек (25 %), 26–30 лет – 10 человек (ок. 33 %), 31–35 – 5 человек (16%), 36–40 лет – 3 человека, старше 40 лет – 3 человека. Таким образом, самые активные участники революционных событий – люди 25–30 лет, при широкой поддержке молодежи 20–25 лет, вся верхушка – большевики 30–35 лет, люди старше 35 лет встречались значительно реже.

В руководство Советов и комиссариатов по-

пали «старые» большевики и молодые идейны «неофиты». Установление Советской власти производилось преимущественно руками солдат запасных полков под командой прапорщиков и поручиков, разделявших левые социалистические взгляды.

О судьбах. Непосредственно во время боевых действий погиб только один – комиссар иркутской тюрьмы Аугул А., 14 июня 1918 г. во время белогвардейского восстания. Всего двое из списка убиты во время преследования в якутской тайге в 1918 г. 11 человек (33 %) арестованы, из них 8 казнены, 3 умерли в тюремных больницах. 7 человек расстреляны в ходе репрессий в 1937–38 гг.,

и один умер в лагере (25 %). Всего 4 человека благополучно все пережили и умерли в преклонных годах. Еще о 4-х фигурантах нет сведений.

Статья поступила 29.09.2017 г.

Библиографический список

Буйских А. Революционные очерки. Новониколаевск, 1922. 143 с.

Вечерние известия. Иркутск, 1918. № 66. 28 мая; № 81. 16 июня.

Власть труда. Иркутск, 1918. № 79. 28 апреля.

Дальистпарт: сборник материалов по истории революционного движения на Дальнем Востоке. Чита; Владивосток, 1923. Кн. 2.

Дело. Иркутск, 1918. № 1. 6 августа.

Дементьев А.П. В.К. Каминский – лидер красноярских анархистов [Электронный ресурс] // Сибирская Заимка. URL: <http://zaimka.ru/dementjev-kaminskij> (Дата обращения 12.06.2017)

Друг народа. Иркутск, 1918. № 13. 3 апреля; № 16. 6 апреля.

Забайкальский рабочий. Чита, 1918. № 101. 10 июня.

Знамя революции, Томск. 1918. № 19.

Из воспоминаний В. Кудряшова. 1-я Барнаульская маршевая рота Красной гвардии // Гражданская война в Сибири: Форум [Электронный ресурс]. URL: <http://wap.siberia.forum24.ru> (Дата обращения 29.03.2017)

Иркутская жизнь, 1918. № 4. 9 января.

Иркутские вести. 1918. № 2. 25 января.

Иркутские дни. 1918. № 24, 27.

История одной семьи [Электронный ресурс]. URL: <http://chulmanlib.ru/wp-content/uploads/2014/10/> (дата обращения 21.12.2016)

Костарев С.П. Исторические памятники Бурятии. Улан-Удэ, 1959. 99 с.

Лазо С. Дневники и письма. Владивосток, 1959. 178 с.

Назимов Л.Т. Троицкосавский Совет // Партизаны Прибайкалья. Улан-Удэ, 1957. 266 с.

Наша деревня. Иркутск, 1918. № 2.

Нижнеудинские бюллетени. Нижнеудинск, 1918. № 16. 27 августа.

Новая Сибирь. Иркутск, 1918. № 1; № 5. 27 января; № 8. 31 января.

Новиков П.А. Гражданская война в Восточной Сибири. М., 2005. 415 с.

Воистину, Революция «пожрала своих детей»!

Article was received in September, 29, 2017

References

Buiskikh A. *Revolyutsionnye ocherki* [Revolutionary essays]. Novonikolaevsk, 1922. 143 p.

Vechernie izvestiya [Evening News]. Irkutsk, 1918. No. 66. 28 May; No 81. 16 June.

Vlast' truda [The Power of Labor]. Irkutsk, 1918. No. 79. 28 April.

Dal'istpart: sbornik materialov po istorii revolyutsionnogo dvizheniya na Dal'nem Vo-stoke. [Dalistpart: a collection of materials on the history of the revolutionary movement in the Far East]. Chita; Vladivostok, 1923. Book 2.

Delo [Business]. Irkutsk, 1918. No. 1. 6 August.

Dement'ev A.P. V.K. *Kaminskii – lider krasnoyarskikh anarkhistov* [V.C. Kaminsky – the leader of the Krasnoyarsk anarchists]. *Sibirskaya Zaimka* [Siberian Zaimka]. Available at: <http://zaimka.ru/dementjev-kaminskij> (Accessed June, 12, 2017)

Drug naroda [Friend of the People]. Irkutsk, 1918. No. 13. 3 April; No. 16. 6 April.

Zabaikal'skii rabochii [The Transbaikalian worker]. Chita, 1918. No. 101. 10 June.

Znamya revolyutsii [Banner of the Revolution]. Tomsk, 1918. No. 19.

From the memoirs of V. Kudryashov. 1st Barnaul marching company of the Red Guard. *Grazhdanskaya voina v Sibiri* [Civil War in Siberia]. Available at: <http://wap.siberia.forum24.ru> (Accessed March, 29, 2017)

Irkutskaya zhizn' [Irkutsk Life]. 1918. No. 4. 9 January.

Irkutskie vesti [Irkutsk News]. 1918. No. 2. 25 January.

Irkutskie dni [Irkutsk days]. 1918. No. 24, 27.

The history of one family. Available at: <http://chulmanlib.ru/wp-content/uploads/2014/10/> (Accessed 21 December 2016).

Kostarev S.P. *Istoricheskie pamyatniki Buryatii* [Historical monuments of Buryatia]. Ulan-Ude, 1959. 99 p.

Lazo S. Dnevnik i pis'ma [Diaries and letters]. Vladivostok, 1959. 178 p.

Nazimov L.T. *Troitskosavsky Soviet. Partizany Pribaikal'ya* [Partisans of the Cis-Baikal region]. Ulan-Ude, 1957. 266 p.

Nasha derevnya [Our village]. Irkutsk, 1918. No. 2.

Nizhneudinskie byulleteni [Nizhneudinsk bulletins]. Nizhneudinsk, 1918. No. 16. 27 August.

Novaya Sibir' [New Siberia]. Irkutsk, 1918. No. 1, No 5. 27 January, No 8. 31 January.

Novikov P.A. *Grazhdanskaya voina v Vostochnoi Sibiri* [Civil War in the Eastern Siberia]. Moscow, 2005. 415 p.

Новиков П., Романов А. Иркутское казачество в 1917–20 годах // Земля Иркутская. 2008. № 5. С. 42–61.

Новиков П., Романов А. Заготовка жёрнова на собственную шею // Родина. 2011. № 2. С. 98–102.

Ноябрьская революция в Германии. М., 1960. 515 с.

Партизаны. Чита, 1929. 206 с.

Подвиг Центрсибиря. Иркутск, 1986. 480 с.

Понедельник. Иркутск, 1918. № 9.

Прибайкальская жизнь. Верхнеудинск, 1918. № 4. 24 мая.

Постышев П. Гражданская война на востоке Сибири 1917–22 гг. М., 1957. 62 с.

Свободная Сибирь. Иркутск, 1918. № 2, 11.

Свободный край. Иркутск, 1918. № 32, 35, 44, 49, 56.

Сибирь. Иркутск, 1917. № 268; 1918. № 20. 6 августа.

Советская власть. Чита, 1918. № 29. 20 июня.

Трудовой народ. Иркутск, 1918. № 3. 1 апреля.

Чужак-Насимович Н. Погибшие на Олекме // Центросибирцы. М.; Л. 1927. 158 с.

Чужак-Насимович Н. Разрушение иллюзий // Каторга и ссылка. 1927. № 7. С. 68–71.

Шумяцкий Б. Сибирь на путях к Октябрю. Иркутск, 1989. 413 с.

Эйдеман Р. Уличные бои во время восстания // Сибирские огни. 1927. № 6. С. 85–98.

Novikov P., Romanov A. Irkutsk Cossacks in 1917–20. *Zemlya Irkutskaya* [Land of Irkutsk], 2008, no. 5, pp. 42–61. (In Russian).

Novikov P., Romanov A. Harvesting a millstone on your own neck. *Rodina* [Homeland], 2011, no. 2, pp. 98–102. (In Russian).

Novabr'skaya revolyutsiya v Germanii [The November Revolution in Germany]. Moscow, 1960. 515 p.

Partizany [Partisans]. Chita, 1929. 206 p.

Podvig Tsentrsibiri [The feat of Centrosibir]. Irkutsk, 1986. 480 p.

Ponedel'nik [Monday]. Irkutsk, 1918. No. 9.

Pribaikal'skaya zhizn' [The Baikal life]. Verkhneudinsk, 1918. No. 4. 24 May.

Postyshev P. *Grazhdanskaya voina na vostoке Sibiri 1917–22 gg.* [Civil war in the east of Siberia in 1917–22]. Moscow, 1957. 62 p.

Svobodnaya Sibir' [Free Siberia]. Irkutsk, 1918. No. 2, 11.

Svobodnyi krai [Free region]. Irkutsk, 1918. No. 32, 35, 44, 49, 56.

Sibir' [Siberia]. Irkutsk, 1917. No. 268; 1918. No. 20. 6 August.

Sovetskaya vlast' [Soviet Power]. Chita, 1918. No. 29. 20 June.

Trudovoi narod [Labor People]. Irkutsk, 1918. No. 3. 1 April.

Chuzhak-Nasimovich N. Killed in Olekma. *Tsentrosibirtsy* [Centrosiberians]. Moscow-Leningrad, 1927, 158 p. (In Russian).

Chuzhak-Nasimovich N. Destruction of illusions. *Katorga i ssylka* [Katorga and exile], 1927, no. 7. pp. 68–71. (In Russian).

Shumyatskii B. *Sibir' na putyakh k Oktyabryu* [Siberia on the way to October]. Irkutsk, 1989. 413 p.

Eideman R. Street fighting during the uprising. *Sibirskie ogni* [Siberian lights], 1927, no. 6, pp. 85–98. (In Russian).

Сведения об авторе

Хипхенов Геннадий Исакович,

выпускник истфака ИГУ, независимый исследователь. Российская Федерация, 664035, г. Иркутск, ул. Сурнова, 30/6, кв. 64, e-mail: halifat76@mail.ru

Критерии авторства

Г.И. Хипхенов выполнил исследовательскую работу, на основании полученных результатов провел обобщение, подготовил рукопись к печати, имеет на статью авторские права и несет полную ответственность за ее оригинальность.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author

Gennadii I. Hipkhenov,

Alumnus of the Faculty of History, Irkutsk State University, Independent researcher, 64, 30/6 Surnova Str., Irkutsk 664035, Russian Federation, e-mail: halifat76@mail.ru

Attribution criteria

Hipkhenov G.I. made research work, based on the obtained results carried out a generalization, prepared the manuscript for printing, has copyright for the article and bears full responsibility for its originality.

Conflict of interest

The author declares no conflict of interest.